

Вязовская Виктория Викторовна

"ПРИЮТ БЕЗМЯТЕЖНЫЙ": К СЕМАНТИКЕ ИМЁН ЖИТЕЛЕЙ МОНАСТЫРЯ В РОМАНЕ Н. С. ЛЕСКОВА "НЕКУДА"

Статья посвящена анализу антропонимов жителей монастыря в романе Н. С. Лескова "Некуда". Данные антропонимы соответствуют русской традиции имянаречения и являются социально-окрашенными. Рассмотренные ономастические единицы образуют систему, все составляющие которой участвуют во внутренней организации текста и реализации интертекстуальных связей романа. Выявлено, что имена данных персонажей на семантико-стилистическом уровне реализуют авторскую интенцию обречённости жизненного пути на примере жителей провинциального монастыря.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-3/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. III. С. 44-46. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**EMOTIVE VALENCY OF THE EVALUATIVE STATEMENTS
THROUGH THE PRISM OF BILINGUAL COMMUNICATION**

Vyguzova Elena Yur'evna, Ph. D. in Philology
Tambov State Technical University
ele-vigozova@mail.ru

Nachernaya Svetlana Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Institute of International Education of the Voronezh State University
cvetlana_nachrna@mail.ru

The article examines the factors determining bilingual communication and emotive valency of the evaluative statements in the process of interpreting the translation of a bilingual communication. The authors explore the interaction of a communicative load with the different explicit markers of a various semiotic nature which are of great importance for understanding the dominating function of a text. Linguistic correlates of emotions and evaluations - emotiveness and evaluative nature - are under analysis. Intonation as a means of communication is examined in relation to interpreting the translation of a bilingual communication.

Key words and phrases: bilingual communication; emotive valency; evaluative statements; communicative load; emotiveness and evaluative nature; intonation.

УДК 81

Филологические науки

Статья посвящена анализу антропонимов жителей монастыря в романе Н. С. Лескова «Некуда». Данные антропонимы соответствуют русской традиции имянаращения и являются социально-окрашенными. Рассмотренные ономастические единицы образуют систему, все составляющие которой участвуют во внутренней организации текста и реализации интертекстуальных связей романа. Выявлено, что имена данных персонажей на семантико-стилистическом уровне реализуют авторскую интенцию обречённости жизненного пути на примере жителей провинциального монастыря.

Ключевые слова и фразы: ономастика; имена персонажей; русский язык; Н. С. Лесков; стиль писателя; роман «Некуда»; Воронежская ономастическая школа.

Вязовская Виктория Викторовна, к. филол. н.
Воронежский государственный университет
v.vyazovskaya@gmail.com

**«ПРИЮТ БЕЗМЯТЕЖНЫЙ»: К СЕМАНТИКЕ ИМЁН ЖИТЕЛЕЙ МОНАСТЫРЯ
В РОМАНЕ Н. С. ЛЕСКОВА «НЕКУДА»[©]**

В последнее время имена героев Н. С. Лескова привлекают всё большее внимание исследователей. Во многом этот интерес обусловлен особым языковым стилем Н. С. Лескова, в основе которого лежит тонкая и замысловатая лингвистическая игра, поэтому современные исследователи ставят себе задачу – раскрыть механизмы создания и ведения писателем этой игры. Для этого используются такие понятия как «хронопность и автобиографизм» [4, с. 44], особая методика, заключающаяся «в поиске деталей в творчестве писателя, помогающих вскрыть ономастическую лабораторию того или иного автора, в его черновиках, в воспоминаниях его современников и даже в совершенно косвенных источниках» [2, с. 11].

В связи с этим обратимся к именам персонажей Н. С. Лескова. Одним из знаковых мест в романе Н. С. Лескова «Некуда» является монастырь инокини Агнии. Монастырю посвящена небольшая глава в романе, заглавие которой уже настраивает читателя на особую атмосферу, царящую в нём: «Приют безмятежный». В сознании человека монастырь – это особое замкнутое пространство, функционирующее по законам религиозного времени. Он изолирован от внешнего мира, всё в нем подчинено его внутреннему, религиозному распорядку жизни. Агния, настоятельница монастыря, так определяет причину, по которой люди уходят в монастырь: «От неспособности сжиться с этим миром-то; от неумения отстоять себя; от недостатка сил бороться с тем, что не всякий поборет. Есть люди, которым нужно, просто необходимо такое безмятежное пристанище, и пристанище это существует» [3, с. 26]. Действительно, здесь когда-то нашла приют сама Агния и другие его обитатели.

Пространство девичьего монастыря является замкнутым. Н. С. Лесков подробно прорисовывает образ монастыря: «Ничего живописного не было в положении этого подгородного монастыря: как-то потерянно смотрел он своими красными башенками, на которые не было сделано даже и всходов. Ничего-таки, ровно ничего в нем не было располагающего ни к мечте, ни к самоуглублению. Это не то, что пустынная обитель, где есть ряд келий, темный проход, часовня у святых ворот с чудотворною иконою и возле ключ воды студенной, – это было скучное, сухое место» [Там же, с. 13].

[©] Вязовская В. В., 2015

Первым жителем монастыря, который предстаёт перед читателями романа, является семидесятилетний солдат Арефьич – монастырский сторож. Имя сторожа представляет собой вариант канонического имени *Арефа*, которое означает ‘доблесть, добродетель’ [7, с. 116]. Видимо, неслучайно автор указывает, что Арефьич – сторож, чутко охраняющий покой монастыря. При попытке въехать на территорию монастыря происходит «словесная перепалка» между Арефьичем и барышнями из-за того, что последний слишком уж «рьяно» выполняет приказ, данный настоятельницею монастыря, и видит в каждом посягателе на «охраняемую» им территорию: «Да так, на то я сторож... на то здесь поставлен... – шамшил беззубый Арефьич, и глаза его разгорались тем особенным огнем, который замечается у солдат, входящих в дикое озлобление при виде гордого, но бессильного врага <...> Не пуцу, – задыхаясь, но решительно отвечал опять Арефьич» [3, с. 14].

Сторож Арефьич в монастыре выполняет «функции» обыкновенного домового, а монастырь и является тем жилищем, которое он так отважно охраняет. Арефьич сидит «в самых темных воротах» и постоянно занимается вязанием. К тому же кучер Никитушка называет его «лешим», «крупой поганой» и «чертом слепым». Как известно, в фольклоре отмечается демоническая природа домового, а также описано вязание и прядение как одно из занятий домового [1]. Однако перед нами явная авторская ирония над Арефьичем, который, не пуская женщин в монастырь, пытается выглядеть суровым хранителем безопасности монастыря.

Образ монастыря как места «скучного», «пустого» усиливают расположенные рядом с ним ветряные мельницы, а также указание на то, что «кругом никакого жилища». В народном сознании с ходом мельницы олицетворялся «иллюзорный “бег на месте”», т.е. контрастное сочетание движущихся махов и неподвижного корпуса, – это парадоксальное сочетание покоя и движения было свойственно и самой Фортуне» [5, с. 145]. Жизнь монастыря застыла, как остановился ход жизни людей, населяющих эту обитель. Описанию монастыря посвящена отдельная глава романа «Приют безмятежный». Жизнь здесь замерла, остановилась. Прежде всего, об этом свидетельствует судьба настоятельницы монастыря Агнии Николаевны Бахаревой, попавшей в монастырь из-за несчастной любви. Молодая Анна Бахарева, поступив наперекор своим родителям, уходит в монастырь, принимая новое имя «Агния». Данное героине имя Агния имеет греческое происхождение: ‘хагнос’ – чистый [7, с. 100].

Имя инокини имплицитно реализует ещё одно значение – *агн* <*агнец* [Там же]. Как известно, в христианстве пасхальный агнец – очень ёмкий образ: он символизирует собой жертву Иисуса Христа, отдавшего свою жизнь во имя спасения людей. Так же и Анна Бахарева, не сумев принять случившееся, уходит в монастырь, посвятив свою жизнь служению Богу. Инокля Агния «блюдет суровый устав приюта не умеющих найти в жизни ничего, кроме горя и страдания» [3, с. 17]. Любопытно, что жизнь Анны Бахаревой резко меняется, после того как получает записку из Петербурга: «<...> она через пятые руки получила из Петербурга маленькую записочку от стройного гвардейского офицера, привозившего ей два года назад букет от покойного императора. В этой записочке было написано только следующее: “Судьба моя решена самым печальным образом. Не жди меня и обо мне не справляйся”» [Там же, с. 16]. Петербург как символ столичного мира всегда противопоставлялся провинции. Столичный мир – «иное» пространство – противопоставлен размеренному темпу жизни патриархального мира [8, с. 260]. Петербург, как отмечает В. Н. Топоров, «центр зла и преступления, где страдание превысило меру и необратимо отложилось в народном сознании; Петербург – бездна, “иное” пространство» [Там же].

Косвенным образом повлиял Петербург и на судьбу молодой инокини Феоктисты, проживающей в монастыре Агнии. Феодосья Ивановна, девушка из Брянскова (в монастыре наречённая Феоктистой), была выдана замуж из-за бедности своей семьи: «Ну я уж была на возрасте, шестнадцатый годок мне шел; матери не было, братец в лакейской должности где-то в Петербурге, у важного лица, говорят, служит, только отцу они не помогали» [3, с. 34].

Трагичен путь попадания этой девушки в монастырь Агнии. Причиной её ухода в монастырь стало чувство вины перед свекровью за гибель её сына. В великий пост беременная Феодосья Ивановна просит своего мужа принести ей «селяночки с севрюженкой»: «“Голубчик, говорю, сокол мой ясный, Естифей Ефимыч! уважь ты меня раз, я тебя сто раз уважу”. Пристаю к нему: “Ручки, ножки, говорю, тебе перецелую, только уважь, покорми ты меня селяночкой”» [Там же, с. 36]. Естифей Ефимыч соглашается выполнить её просьбу, но, желая оставить всё тайне, он идёт по льду замершей реки и тонет. С самого начала замужества Феодосья попадает в чужой для неё мир – мир староверов. Отметим, что героиня носит то же имя, что и боярыня Морозова, – Феодосия Прокопьевна. Как известно, боярыня Морозова за приверженность протопопу Аввакуму была заточена в Пафнутьево-Боровском монастыре. История боярыни Морозовой получает отголосок в истории Феодосьи. Феодосья рано теряет мужа, монастырь для неё является спасением от мирской жизни: «Муж помер, дитя померло, тятенька помер, я и пошла» [Там же, с. 33].

Судьба словно смеётся над Феодосьей: имя её мужа Естифей означает *эутихес* ‘счастливый’ [7, с. 185]. Но его судьба трагична: во-первых, его выбор жены (она не принадлежала староверам) не был признан матерью, а во-вторых, он нарушает пост: по просьбе жены приносит ей рыбу, из-за чего погибает. Здесь актуализируется семантика отчества персонажа: Ефимыч восходит к мужскому имени Ефим – *эутимеус* ‘благодушный’ [Там же, с. 186]. Однако семантика имени реализуется совсем в противоположном значении: Естифей нарушает великий пост в угоду жене, проявив тем самым слабость. Нарушение поста и приводит к его гибели.

Феоктиста как типичный обыватель провинциального мира живёт по его временным законам, для которого, как было уже сказано выше, важен народный календарь: «О спажинках прислали к тятеньке сватов» [3, с. 34]. Спажинки, или спожинки, как ещё называют, – это время, когда крестьяне заканчивают жатву. «Особые симпатии Лесков питал к народным формам религиозности, к формам “исключительно стихийным, сердечным”» [6, с. 186], он симпатизирует Феоктисте, однако не видит в ней сил к дальнейшей жизни в миру.

Итак, пространство монастыря Агнии замкнуто, его жизнь остановилась: «Ничего-таки, ровно ничего в нем не было располагающего ни к мечте, ни к самоуглублению» [3, с. 13]. Люди, которые живут здесь, не смогли принять случившееся в их судьбе, и жизнь в монастыре для них лишь «прибежище». И к сожалению, они не обретают Бога и не находят себя в духовной жизни. Феодосья и другие девушки приносят себя в жертву Богу, словно инокиня Агния, имя которой аллегорично связано с закланым агнцем.

Таким образом, каждое из имён персонажей Н. С. Лескова образует тесные связи с другими именами, а также включает в себе огромную культурно-историческую информацию о российской действительности, тем самым помогая автору реализовать общую идею романа – идею замкнутости и обречённости жизненного пути героев.

Список литературы

1. **Афанасьев А. Н.** Огонь // Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3-х т. М., 1995. Т. 2. С. 5-63.
2. **Ковалев Г. Ф.** Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Научная книга, 2014. 447 с.
3. **Лесков Н. С.** Собрание сочинений: в 11-ти т. М.: Художественная литература, 1956-1958. Т. II. 760 с.
4. **Скуридина С. А.** Современные ономастические школы: от Воронежа до Иркутска // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3 (17). С. 41-45.
5. **Соколов М. Н.** Христос у подножия мельницы-Фортуны. К интерпретации одного пейзажно-жанрового мотива Питера Брейгеля Старшего // Искусство Западной Европы и Византии. М., 1978. С. 132-156.
6. **Соколова В. Ф.** Историко-филологическая наука и творчество Н. С. Лескова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (51). Ч. II. С. 185-187.
7. **Суперанская А. В.** Словарь русских личных имён. М.: Эксмо, 2003. 544 с.
8. **Топоров В. Н.** Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Прогресс, 1995. 621 с.

“THE QUIET SHELTER”: TO THE SEMANTICS OF THE NAMES OF THE RESIDENTS OF THE MONASTERY IN N. S. LESKOV’S NOVEL “NO WAY OUT”

Vyazovskaya Viktoriya Viktorovna, Ph. D. in Philology
Voronezh State University
v.vyazovskaya@gmail.com

This article is devoted to the analysis of the anthroponyms of the residents of the monastery in N. S. Leskov’s novel “No Way Out”. These anthroponyms correspond to the Russian tradition of naming and they are socially colored. The considered onomastic units form the system, the connections of which involve in the internal organization of the text and the realization of intertextual relations of the novel. It is revealed that the names of these characters at the semantic-stylistic level realize the author's intention of the doom of the course of life by the example of the residents of the provincial monastery.

Key words and phrases: onomastics; names of the characters; the Russian language; N. S. Leskov; the style of the writer; novel “No Way Out”; Voronezh school of onomastics.

УДК 398.22

Филологические науки

Статья посвящена сравнительному анализу женских образов в узбекском варианте «Алпамыша» Фазыла Юлдаша в переводе Л. Пеньковского и олонхо «Элэс Боотур» П. В. Оготовева с целью выявления схожих и отличительных черт. В заключение устанавливается, что указанные в классификации А. Н. Даниловой типы эпических женских персонажей в обоих произведениях существуют. Но в якутском олонхо каждый тип женщины показан разными образами по отдельности, а в узбекском эпосе они влиты в определенные образы. Также, несмотря на различие культурных традиций, места бытования, взглядов на жизнь, образы женщин как в олонхо, так и в «Алпамыше» похожи тем, что в них нет влияния духовенства.

Ключевые слова и фразы: эпос; образ женщины; идеал; сравнение; олонхо.

Герасимова Лилия Николаевна

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова
gelinica@yandex.ru

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В УЗБЕКСКОМ ЭПОСЕ «АЛПАМЫШ» И ЯКУТСКОМ ОЛОНХО «ЭЛЭС БООТУР»[©]

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-04-00496 (а).

В настоящее время в изучении эпических памятников особое внимание уделяется сравнительному исследованию. Как отметил Б. Н. Путилов: «Историческое изучение фольклора – во всем многообразии и во всей